

САМООЦЕНКА И ЦЕННОСТНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.801

EDN: RVBQNP

Динамика и структура предпочтений молодёжи в информационном пространстве Республики Крым

Ссылка для цитирования: Чигрин В. А., Зоткин А. А., Городецкая Е. Г., Узунов В. В. Динамика и структура предпочтений молодёжи в информационном пространстве Республики Крым // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 2. С. 184–199. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.801; EDN: RVBQNP

For citation: Chigrin V. A., Zotkin A. A., Gorodetskaya E. G., Uzunov V. V. Dynamics and structure of youth preferences in the information space of the Republic of Crimea. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 184–199. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.801; EDN: RVBQNP

Чигрин Виктор Александрович¹

¹Крымский филиал ФНИСЦ РАН,
Симферополь, Россия

sociochigrin@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 781656

Зоткин Андрей Алексеевич¹

¹Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Россия

and.zotkin@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 945103

Городецкая Елена Георгиевна¹

¹Крымский филиал ФНИСЦ РАН,
Симферополь, Россия

socio.evpatoria@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 1004599

Узунов Владимир Владимирович¹

¹Крымский филиал ФНИСЦ РАН,
Симферополь, Россия

vladimir.uzunov@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 863513

Аннотация. В статье актуализированы вопросы информационной безопасности в условиях трансформаций медиапространства в регионах России (на примере Республики Крым). Внимание сконцентрировано на предпочтениях молодёжи относительно источников получения и использования получаемой информации. Определены основные контуры предпочтений в выборе источника информации. Показана специфика выбора информационных источников, характерных для молодёжи в Республике Крым. Помимо Интернета, для региональной молодёжи важным источником информации являются непосредственные социальные контакты и личное общение. В перечне интернет-источников преимущество имеют социально-сетевые информационные ресурсы. Доказано, что информационные предпочтения молодёжи и старших поколений не всегда совпадают. С этой целью приведены результаты социологических исследований, проведенных в 2018–2020 гг. в Республике Крым (до и во время пандемии коронавируса). Исследования показали, что именно дистанционное обучение и самоизоляция представляют собой факторы, которые расшатывают сложившуюся систему социальных отношений, социальной подчиненности и социального контроля. Особенное внимание уделено изучению проявления интереса молодёжи к информационным источникам экстремистского содержания. Выявлена половозрастная структура интересантов интернет-источников экстремистского содержания. Несмотря на то, что выявленные «группы риска» относительно невелики, для них существенно повышается вероятность участия в разного рода неформальных организациях, в том числе радикального характера. Проблема усугубляется скрытностью, размытостью существования таких групп, которые функционируют в информационном пространстве как гибкие и комбинаторные социальные образования, способные к быстрому структурному перестроению и возобновлению. Как показали результаты исследований, тенденция «ухода» молодёжи в виртуальное пространство усилилась фактором социальной изоляции и введением форм дистанционного обучения, способствовавшие размыванию жёстких социальных связей и заменой их «мягкими» (в соответствии с терминологией теории сетевого анализа). Показано, что государство и общество в интересах обеспечения внутренней стабильности и безопасности, безусловно, должны со всей серьёзностью принимать во внимание процессы трансформации медиапространства, куда переносится значительная доля активности современной молодёжи.

Ключевые слова: информационное пространство, Интернет, социальные сети, молодёжь, информационная безопасность, группы риска, пандемия коронавируса

В первой четверти XXI столетия, когда термин «информационное общество» стал обретать всё более реальные очертания и получать самое разнообразное, подчас противоположное, наполнение, следует констатировать, что именно состояние информационного пространства, или, как говорят политтехнологи, информационного поля, становится основой, формирующей ряд социальных практик. Как показывают многочисленные социологические исследования, эти практики могут носить как социально ориентированный характер, способствуя социальному прогрессу и воплощая в жизнь его высшие ценности, так и принимать асоциальные формы, в зависимости от характера, объёма, степени воздействия и типа источников информации. Возможно, именно поэтому на всех уровнях всё чаще поднимается вопрос о необходимости обеспечения информационной безопасности. Причём эта безопасность может касаться как общества в целом, так и каждого из его членов.

Информационная безопасность является одним из важнейших приоритетов государства в условиях современности, когда на глобальном уровне борьба ведётся не только и не столько путём военного противостояния, сколько методами информационного влияния. При ведении информационных войн главные атаки ведутся на общественное мнение и установки наиболее активных социальных групп, среди которых наиболее подверженной разного рода «неформальным» влияниям является молодёжь с её неокрепшими мировоззренческими и ценностными ориентациями.

Следует отметить, что проблема предупреждения экстремизма в молодёжной среде не нова для постсоветского пространства в целом и России в частности. Об этом свидетельствуют публикации, посвященные этой проблеме [7; 8; 2]. Тем не менее можем констатировать, что риски не снижаются. Их проявления были воплощены в трагических событиях в Керчи, Казани, Перми.

Вот только одна выдержка из крымского сетевого издания за июнь 2020 г.: «Двум подросткам, обвиняемым в подготовке террористического акта в учебных заведениях Керчи, продлена мера пресечения – содержание под стражей – до 18 июня, решение вынес Киевский райсуд Симферополя по ходатайству следствия, пишет издание “Аргументы недели” со ссылкой на ТАСС. Мальчики – 2004 и 2004 годов рождения были задержаны Федеральной службой безопасности 18 февраля этого года. По данным спецслужбы, подростки – сторонники экстремистской идеологии, последователи Владислава Рослякова, который убил людей в Керченском политехническом колледже в октябре 2018 года.

Для совершения преступлений они составили планы вооружённых нападений, нашли в интернете инструкции по изготовлению самодельных взрывных устройств и схемы нужных им зданий. Параллельно подростки администрировали в соцсетях и мессенджерах “группы смерти”, в которых склоняли участников к совершению аналогичных преступлений»¹.

В этом контексте представляется целесообразным обратить внимание на необходимость активизации социологического мониторинга предпочтений молодёжи в информационном пространстве. Их анализ поможет раскрыть проблему сфер и направления информационного влияния, определить центры, референтные группы, лидеров, воздействующих на общественное мнение молодёжи. Наиболее эффективными инструментами в решении этих задач представляются именно мониторинговые социологические исследования, которые способны давать не только оперативную информацию о быстро меняющейся ситуации в медиапространстве, но и возможности прослеживать динамику и силу воздействия тех или иных факторов на протяжении определённого периода времени.

¹ Керченских последователей Рослякова оставили в СИЗО до середины июня // Безформата: сайт. URL: <https://sevastopol.bezformata.com/listnews/kerchenskih-posledovatelej-roslyakova/83297216/> (дата обращения: 21.02.2021).

Начальным вопросом в ключе указанной проблематики представляется определение структуры предпочтений различных групп регионального социума в информационном пространстве. Наши исследования, проводимые в Республике Крым и в Севастополе с 2014 по 2021 г., показывают, что если старшие поколения предпочитают традиционные источники информации – телевидение и даже газеты, то приоритеты молодёжи полуострова стали изменяться возрастающими темпами. Это порождает своеобразную «информационную вилку», которая создаёт прецедент несоответствия приоритетов в плане источников информации, и, как следствие, несоответствия оценок поступающей информации. Поэтому в данной работе мы концентрируем внимание на результатах опросов крымской молодёжи. В 2018 году, накануне выборов Президента РФ при участии авторов был проведён опрос студентов КФУ им. В. И. Вернадского (N = 1400). Отметим, что в опросе приняли участие студенты из Симферополя, Севастополя и Евпатории. Мы учитывали, что потребители информации отбирают для себя как наиболее приемлемые с точки зрения полноты восприятия носители (каналы) информации, так и информационные потоки определённой направленности (политическая, экономическая, культурная, спортивная и т. д.). Поэтому респондентам было предложено в первую очередь выбрать наиболее приемлемые для них информационные потоки, из которых они узнают о событиях в окружающем мире, выбирают наиболее интересные для них темы обсуждения. Результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1 (Table 1)

Из каких источников Вы обычно узнаете о событиях
(можно выбрать несколько вариантов ответа)
What sources do you usually learn about events from?
(multiple answers could be selected)

Суждения респондентов исследования	%
Социальные сети (по значимости): ВКонтакте (43,6%), Инстаграм (12,7%), РБК, Одноклассники, Яндекс новости, Телеграм, Твиттер, Пикабу, Adme	66,6
Разговоры с родственниками, друзьями, знакомыми	63,5
Общероссийские телеканалы (по значимости): Россия 24, Первый канал, Россия, НТВ, Рен ТВ	41,6
Интернет (иноязычные сайты): Ютуб, Гугл, The New York Times (16% респондентов названий сайтов не указали)	34,1
Случайные разговоры в общественных местах, слухи	24,2
Крымские телеканалы (по значимости): Крым 24, 1 Крым, Миллет, ИТВ, ИКС	15,5
Общественная организация, в которой состоите	8,8
Сайт КФУ	8,8
Газеты (по значимости): Крымская правда, Репортёр, Взгляд	6,7

Как следует из таблицы, в иерархии источников информации первенствуют социальные сети. Понятно, что с «глобальной паутиной» мы ничего поделать не сможем, но мы должны отметить опасные тенденции, которым подвержено совокупно почти 90% наших студентов.

Учёные во всем мире утверждают, что «большие данные», предлагаемые Интернетом и приобретающие формы экспансии, способны изменить наш образ жизни, труда и мышления, а жизнь даёт этому утверждению всё больше примеров некритического отношения части молодёжи к такого рода информационной экспансии.

Таким образом, во-первых, мы упираемся в информационный тупик. «Старые» факты, носящие традиционный характер, всё чаще подвергаются сомнению. Начинают пересматриваться понятия природы принятия решений, понятия ценности и справедливости. Мировоззрение, сотканное из понимания причин, теперь оспаривается доминированием корреляций.

Во-вторых, опасность заключается в том, что интернет-структуры следят за всеми, кто обращается к их информации. Затем респонденты «сбиваются» в группы, с которыми работают либо через Интернет, либо «живьём».

Приведённые выводы подтверждает и расширяет опрос, который был проведён методом простой случайной выборки в декабре 2020 г.¹ Сразу отметим, что в предпочтениях крымской молодёжи находят своё отражение как тенденции, характерные для общероссийского уровня (здесь мы опирались на данные многолетних социологических мониторингов молодёжи, изложенных в работах М. К. Горшкова, Ф. Э. Шереги [1], В. В. Радаева [5; 6]), так и специфические черты крымского социального и медийного пространства.

Как можно видеть из табл. 2, абсолютным приоритетом в информационных предпочтениях молодёжи пользуется Интернет (97,7%), что, безусловно, соответствует общим глобальным трендам, включая и местный тренд, зафиксированный в 2018 году. Привлекает внимание, что немаловажное значение для молодёжи в качестве источника информации имеет личное общение (69,7%). Можно предположить, что это характерно именно для регионального пространства, где непосредственные социальные коммуникации сохраняют относительно большую устойчивость, чем в мегаполисах и иных крупных социальных образованиях, в которых медиа-опосредованный характер социальных связей и отношений становится преимущественным. Но хотим подчеркнуть, что предпочтительным для наших респондентов является общение внутрипоколенное, т. е. общение со сверстниками, имеющими такой же несовершенный социальный опыт.

¹ Объём выборки составил 1200 респондентов в возрасте 18–35 лет по всем регионам Крыма (включая г. Севастополь). Выборка репрезентирует молодёжь Крыма по основным социально-демографическим показателям. Ошибка выборки $\approx 2,8\%$. Руководитель проекта – А. А. Зоткин, главный научный консультант проекта – В. А. Чигрин, организаторы опроса – Крымский филиал ФНИСЦ РАН и Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского.

Таблица 2 (Table 2)

Предпочтения респондентами источников информации
(можно выбрать несколько вариантов ответа)
Respondents' preferences for information sources
(multiple answers could be selected)

Суждения респондентов исследования	%*
Телевидение	26,7
Интернет	97,7
Личное общение	69,7
Книги	45,8
Газеты и журналы	8,3
Радио	7,6

*Процент ответов более 100%.

Неожиданным результатом этого исследования стало выявление высокого уровня предпочтения получения информации из книг (45,8%). При этом мы допускаем, что предпочтения книг в качестве источника информации могут расходиться с повседневными практиками чтения. Необходимо учитывать, что период самоизоляции на фоне пандемии коронавируса хотя и ослабел, но не закончился. Примечательно, что телевидение как источник информации для молодёжи имеет довольно низкие позиции (26,7%), а печатная пресса (8,3%) и радио (7,6%) – едва ли не рудиментарный характер.

Интересы молодёжи к новостям распределяются следующим образом (табл. 3). Наибольший интерес вызывают международные новости (71,6%). Второе место по уровню приоритетности имеют общероссийские новости (54,3%). Данная структура имела бы логичное продолжение по локализации новостей. Тем не менее мы можем наблюдать, что интерес к местной новостной повестке (48,1%) выше, чем к региональной (39,3%). С одной стороны, это может свидетельствовать о тенденциях культурно-информационной глобализации молодёжи, которая не замыкается в своих интересах на локальных уровнях информационной повестки. С другой стороны, данное наблюдение фиксирует необходимость срочного решения задачи повышения эффективности региональных субъектов медиaproстранства.

Предпочтения в новостной тематике по сферам интересов можно распределить следующим образом: высший уровень (кино – 61,9%, наука и образование – 53,6%); высокий уровень (культура – 48,3%, происшествия – 47%, политика – 44,3%). Треть респондентов интересуется новостями технологий, моды, спорта и селебрити (знаменитостей). Более четверти опрошенных интересуются новостями экономики (29,3%) и игровой индустрии (27%). На фоне указанных сфер интересов религиозная тематика (12,5%) имеет крайне низкие позиции. И тех, кто вообще не интересуется происходящим вне его внутреннего мира, всего лишь 4,9%.

Таблица 3 (Table 3)

Какие новости Вас интересуют
(можно выбрать несколько вариантов ответа)
What kind of news are you interested in?
(multiple answers could be selected)

Суждения респондентов исследования	%
Международные	71,6
Общероссийские	54,3
Местные (новости города/села)	48,1
Региональные	39,3
Не интересуюсь новостями	11,1
Затрудняюсь ответить	5,6

Конкретизация вопроса относительно источников получения информации и фокусировке на интернет-пространстве (табл. 4) показали, что наиболее популярным новостным источником в Интернете являются социальные сети (74,8%). Значительной долей внимания пользуются и новостные ленты (58,6%).

Таблица 4 (Table 4)

Какие источники в Интернете Вы используете для получения новостей
(можно выбрать несколько вариантов ответа)
What Internet sources do you use to get news? (multiple answers could be selected)

Суждения респондентов исследования	%
Социальные сети	74,8
Новостные ленты	58,6
Сайты средств массовой информации	38,1
Блоги	36,5
Сайты новостных агентств	22,9
Официальные сайты органов государственной власти	17,9
Подкасты	17,7
Интернет-телевидение	17,1
Ничего из перечисленного не использую	4,5
Другое	0,6

Отметим, что так же, как и социальные сети, они относятся к оперативным и быстро обновляемым источникам новостей, что актуально для современной молодёжи, обладающей качествами высокой мобильности в условиях динамичного информационного пространства. Возможно, интерес к новостным лентам, предлагающим крайне сжатое изложение материала, продиктован элементами клипового мышления части молодёжи, которое, увы, быстро расползается даже в отечественном образовательном пространстве.

Средние позиции в этом перечне занимают сайты средств массовой информации (38,1%) и блогосфера (36,5%). В то же время официальные сайты органов государственной власти и интернет-телевидение заметно уступают вышеназванным источникам. Крайне низко оцениваются также сайты некоторых крымских вузов, к которым обращается 8,9% респондентов, отмечая, что заходят на эти сайты крайне редко, поскольку они «носят формальный характер и неинтересны».

Однако детализация исследования информационных предпочтений крымской молодёжи позволяет видеть специфику, характерную именно для этого социального и медиапространства, что отражено в табл. 5.

Таблица 5 (Table 5)

Для получения информации о ситуации в Крыму Вы используете следующие информационные ресурсы? (можно выбрать несколько вариантов ответа)

Do you use the following information resources to obtain information about the situation in Crimea? (multiple answers could be selected)

Суждения респондентов исследования	%
Читаю информацию на страницах в социальных сетях республиканской и местной власти	33,3
Смотрю общероссийские телеканалы, в том числе через Интернет	29,3
Смотрю, читаю, слушаю информацию на страницах сообществ в социальных сетях, посвящённых Крыму	28,5
Читаю информацию на официальных сайтах республиканской и местной власти	23,9
Смотрю крымские телеканалы, в том числе через Интернет	23,6
Читаю информацию на сайтах и на страницах в социальных сетях крымских информационных агентств	22,4
Смотрю, читаю, слушаю информацию на тематических сайтах и блогах, посвящённых Крыму	15,0
Затрудняюсь ответить	11,4
Крымские новости меня не интересуют	10,2
Читаю крымские газеты и журналы, в том числе через Интернет	6,0
Слушаю крымские радиостанции, в том числе через Интернет	4,7
Другое	0,7

По результатам опроса, молодые крымчане для получения информации о ситуации в Крыму, прежде всего, используют соцсети. Так, например, треть респондентов источником информации о ситуации в Крыму назвали страницы в социальных сетях республиканской и местной власти (33,3%) и страницы сетевых сообществ, которые посвящены Крыму (28,5%). Заметим, что в Крыму довольно велика доля сообществ, отражающих текущую ситуацию в критическом ключе. Также важным источником информации являются общероссийские телеканалы (29,3%).

С отрывом от уже названных источников идут официальные сайты органов власти (23,9%), крымские региональные телеканалы (23,6%) и тематические сайты и блоги, посвящённые Крыму (15%). Чтение

крымской прессы (6%) и прослушивание крымских радиостанций (4,7%) предпочитает крайне малая часть респондентов. Кстати, последнее фиксируется и в других регионах России, а также в государствах, возникших на постсоветском пространстве, в частности в Беларуси, Украине и странах Прибалтики.

Следует отметить, что для этих альтернатив мы специально ввели уточнение («в том числе через Интернет»), что, как оказалось, не влияет на уровень их популярности у молодёжной аудитории. Это, в свою очередь, позволяет оценивать результаты, в том числе отображённые и в табл. 1 и 2, как вполне соответствующие объективным тенденциям и сигнализирующие о необходимости модернизации указанных источников информации.

Изложенные выше наблюдения позволяют говорить о слабой развитости блогосферы в крымском медиапространстве, которая, будучи пока свободной, рано или поздно будет кем-то и чем-то занята.

В марте 2020 года Крымским филиалом ФНИСЦ РАН проводилось ещё одно полевое исследование [8], масштабы которого (N = 2500) позволяют утверждать его репрезентативность. В этом исследовании задавались вопросы подросткам и молодёжи об их интересе к сайтам экстремистских направлений, внесенным законодательством и нормативными документами РФ в соответствующие документы (реестры). Результаты можно видеть в табл. 6.

Таблица 6 (Table 6)

Распределение ответов респондентов на вопрос:
 «Каково твоё отношение к этим сайтам?» (по полу, возрасту), %
Distribution of respondents' answers to the question:
 "What is your attitude towards these sites?" (by sex, age, %)

	Муж.	Жен.	16–17	18–21	22–24
Я был на этих сайтах и ничего плохого не увидел, захожу туда часто	2,6	2,3	2,2	2,7	2,0
Смотрел вскользь, а ничего, «прикольно», хотя я этим не увлекаюсь	4,1	1,9	2,8	2,3	2,0
Меня такие сайты не интересуют вообще, предпочитаю ВКонтакте, Одноклассники, Facebook, Instagram, Телеграм и др.	80,9	89,1	86,3	87,0	90,0
Затрудняюсь ответить	12,4	6,8	8,7	8,1	6,0

Если более глубоко рассмотреть полученные данные, то можно увидеть, что напрямую на подобные сайты заходят лишь 4,7% респондентов, но нами были установлены так называемые «группы риска». Так, юноши чаще интересуются подобными сайтами, чем девушки, а наиболее опасный возраст молодёжи, интересующейся экстремистскими сайтами, колеблется между 16 и 21 годами. В 22 года молодёжь интересуется такими сайтами все меньше, а к 25 годам перестаёт проявлять к ним интерес вообще.

Кроме того, интернет-влияние оказывается на подростков и молодёжь не только через явно экстремистские сайты, но и через «раскрученные» сайты вроде бы мирной направленности. Следует отметить, что

степень влияния подобных ресурсов на подростков и молодёжь носит индивидуальный характер и в гораздо большей степени демонстративна, чем реальна.

Мы проверили, как влияют все эти сайты на возможность участия подростков и молодёжи в различных неформальных группах и организациях, в том числе и экстремистской и террористической направленности. Полученные данные, представленные в табл. 7, по нашему мнению, вызывают тревогу.

Таблица 7 (Table 7)

Влияние сайтов на возможность участия в неформальных организациях, %
Influence of sites on the possibility of participation in informal organisations (%)

Как влияют сайты на возможность участия подростков и молодёжи в различных неформальных группах и организациях	Я охотно принял бы в ней участие	Посмотрел бы, чем они занимаются, но участия скорее бы не принял	Трудно сказать, я над таким вообще не задумывался	К деятельности подобных групп отношусь негативно, но мешать бы им не стал	Я противник всякого рода тайных сообществ и нашёл бы кому об этом рассказать
Я был на этих сайтах и ничего плохого не увидел, захожу туда часто	29,0	25,8	25,8	6,5	12,9
Смотрел вскользь, а ничего, «прикольно», хотя я этим не увлекаюсь	11,8	29,4	26,5	23,5	8,8
Меня такие сайты не интересуют вообще, предпочитаю ВКонтакте, Одноклассники, Facebook, Instagram, Телеграм и др.	1,7	15,0	36,3	18,3	28,6
Затрудняюсь ответить	2,6	18,4	36,8	10,5	31,6

Представленная таблица двумерных распределений наглядно свидетельствует о том, что 29% респондентов из вероятной «группы риска», стабильно посещая экстремистские сайты, демонстрируют потенциальную готовность к участию в различных тайных экстремистских группах. В усреднённом же виде сторонников вступления в эти группы и организации насчитывается лишь 2,5%, хотя предрасположение к ознакомлению с деятельностью этих групп имеют примерно половина из 14,6% респондентов.

Преувеличенная подростковая и молодёжная солидарность, стремление «поддержать друга» часто играют плохую роль в предупреждении возникновения и функционирования экстремистских групп, предупреждении группового или одиночного терроризма, хотя многие понимают, что подобная деятельность может вызвать гибель невинных людей. Отметим, что

мотивы групп риска расширились в процессе самоизоляции в период пандемии коронавируса, особенно жёсткой в 2020 году. При этом следует помнить, что молодёжь концентрируется не только в вузах. К. В. Подъячев и И. А. Халий справедливо отметили, что в современных условиях вне зоны внимания остаётся наименее благополучная часть молодёжной когорты – учащиеся колледжей, училищ и техникумов [4, с. 272]. Это необходимо иметь в виду, особенно в периоды повышения социальных рисков, к которым относятся и эпидемиологические угрозы, и принимаемые меры безопасности, сопутствующие им, нарушающие привычный образ жизни людей.

В процессе обсуждения вопросов анкеты мы вынуждены были доказывать необходимость ряда вопросов, связанных с дистанционным обучением и самоизоляцией обучающейся молодёжи. Действительно, прямая взаимосвязь между этими массовыми явлениями с подростково-молодёжным экстремизмом внешне не просматривается, но на самом деле, в отличие от наших оппонентов, мы ясно понимали, что именно дистанционное обучение и самоизоляция представляют собой факторы, которые расшатывают сложившуюся систему социальных отношений, социальной подчинённости и социального контроля.

Каковы же, по мнению самих респондентов, причины вступления подростков и молодёжи в подобные группы? Обратимся к данным, представленным в табл. 8.

Теперь проанализируем их позиции по убывающей, осуществив кластерный анализ причин, составляющих категории риска.

Первое место – в числе причин, подталкивающих к участию в экстремистских группах, респонденты называют депрессию, отсутствие уверенности в реализации жизненных планов. Более всего подвержены этим чувствам девушки. По возрастам депрессионный пик приходится на 22–24 года, когда заканчивается учёба в колледже или вузе, а устойчивого профессионального и социального статуса нет. В этой ситуации, скорее, возможны единичные акты девиаций в социальном поведении.

Второе место – безразличие к возможным причинам проявления экстремистских или террористических тенденций. Практически безразличны к ним и юноши, и девушки, а также все основные подростковые и молодёжные категории, за исключением самых старших, которым нужно задумываться о будущем уже не виртуально, а предметно.

Третье место занимает тема поднятия интереса к себе, повышения авторитета в своём кругу. Эта тема имеет в основном психологическую подоплёку. Оригинальничание, выпячивание своих реальных или вымышленных достоинств – вполне распространённая практика, частью которой является «приоткрывание» своего участия (в том числе и мнимого) в каких-то тайных обществах или группах. Как правило, эта тема имеет тенденцию рассыпаться, как только формируются реперные точки статуса – социального, профессионального, семейного. К сожалению, в условиях неустойчивости ситуации вспышки группового и индивидуального экстремизма и терроризма резко возрастают. В Крыму подобная ситуация может возникнуть вследствие экономических последствий пандемии.

Таблица 8 (Table 8)

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Как ты думаешь, почему всё же молодые люди, парни и девушки
вступают в подобные группы?» (по полу, возрасту), %

*Distribution of respondents' answers to the question:
“Why do you think young people, boys and girls still join such groups?” (by sex, age), %*

Ответы на вопрос	В целом	Муж.	Жен.	16–17	18–21	22–24
Из-за депрессии, отсутствия уверенности в реализации жизненных планов	35,0 (1)	33,0	41,4	36,2	44,4	54,0
Я вообще-то над этим даже не задумывался	31,7 (2)	37,4	33,5	36,2	31,8	26,0
Для поднятия интереса к себе, повышения авторитета в своём кругу	31,0 (3)	33,3	34,5	33,1	38,7	28,0
Считаю, что так можно бороться против притеснения моих прав и свобод	21,2 (4)	24,1	22,9	22,3	28,4	26,0
Потому что относят себя к людям неформальных и нетрадиционных ориентаций	16,1 (5)	15,0	19,2	17,7	19,5	12,0
Считают себя противниками государственной идеологии и вектора развития страны	13,2 (6)	16,3	13,6	12,9	18,4	24,0
Потому что в такой группе участвует любимый человек	12,7 (7)	16,5	12,5	14,0	14,9	10,0
В результате агитации людей определённой веры	12,0 (8)	13,7	12,9	11,7	17,2	20,0
Считают, что так смогут поднять свое материальное благосостояние	11,4 (9)	15,0	11,2	12,0	13,4	10,0
Считают, что права их нации ущемляются	9,4 (10)	9,6	10,7	11,5	7,7	6,0
Думают, что террор может остановить рост безработицы	3,6 (11)	5,2	3,3	4,4	3,5	2,0

Четвёртое место тесно связано с характерным для нынешних подростков и молодёжи эгоцентризмом, ценностными ориентирами на гедонизм, вседозволенность и безнаказанность. К сожалению, все попытки обеспечения социального контроля со стороны родителей или преподавателей, представителей правоохранительных органов воспринимаются как покушение на личные права и свободы. Отметим, что нередко их крайне болезненная реакция приводит к насилию по отношению к «агрессорам». При этом потенциал таких озлобленных «защитников своих прав и свобод» составляет примерно пятую часть крымских подростков и молодёжи, что выше, чем в среднем по России.

Следующие группы причин – менее массовые, но иногда более опасные, поскольку имеют тенденцию приобретать групповой характер.

Пятое место – отношение себя к людям неформальных или нетрадиционных ориентаций. Выше мы подробно описали эту категорию подростков и молодёжи. К сожалению, до Крыма докатилась и эта волна молодёжного экстремизма. Хотим предположить, что мужской гомосексуализм менее развит, поскольку ведущими этносами Крыма он не

поощряется. Зато можно говорить о распространённости всякого рода неоязычников, «готов», псевдопатриотических (на самом деле – националистических) групп и организаций. Этим пользуются эмиссары из-за рубежа, задача которых – противопоставить друг другу этносы Крыма, стравить их между собой, вызвав социальную нестабильность. Об этом мы писали выше. Группа риска – возраст 16–21 год.

Шестое место – противники государственной идеологии и вектора развития страны. Наши респонденты считают, что таких в среде крымских подростков и молодёжи – примерно 13%. Но и это немало в оценочном плане. Откуда берётся подобное убеждение? Из Интернета, в первую очередь из «благопристойных» сайтов, о чём мы писали выше. Достаточно вспомнить, сколько на этих сайтах было размещено фейков в отношении голосования по поправкам, и как организовывались протестные мероприятия на основе этих вбросов в социальные сети, 90% которых посещают наши респонденты.

Седьмое место – «любимый человек». Мы уже рассматривали эту ситуацию и получили довольно небольшие цифры. Но вот сами респонденты, как бы со стороны, считают, что за «любимым человеком» могут пойти в огонь и воду 12,7% подростков и молодёжи. Пожалуй, можно согласиться с подобным утверждением наших респондентов, поскольку психологическая зависимость от людей, к которым испытывают первые чувства, представляется реальной. С возрастом эта зависимость уменьшается, но при определении причин совершения экстремистских или террористических действий следует учитывать, что данный приём особенно активно используется для подготовки шахидок различными мусульманскими группировками, в том числе членами «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами».

Восьмое место – агитация со стороны адептов определённой веры, которая собирает 12% голосов респондентов. Здесь просматривается близость данной причины с причиной № 5.

Девятое место – стремление через террор «улучшить своё материальное благосостояние». Одиннадцать процентов респондентов считают, что юные и молодые экстремисты и террористы вступают на этот скользкий путь с целью обогащения.

Десятое место – пресловутый «национальный вопрос». Мы уже говорили, что в число целей украинской политики в Крыму входило и, судя по всему, входит и сегодня цель противопоставления друг другу многочисленных этносов Крыма. На подобную возможную причину терроризма и экстремизма указывают 9,4% респондентов. Поэтому уменьшать данный фактор сегодня не следует.

Наконец, *одиннадцатое место* не имеет весомого процента ответов. Хотя возможная потеря работы, невозможность получить легальную оплачиваемую должность подтолкнули бы к участию в протестных акциях 14% наших респондентов.

Такова, по мнению подростков и молодёжи, реальная градация причин вступления молодых крымчан в экстремистские и террористические группы либо самостоятельного осуществления экстремистских и террористических действий.

В заключение отметим, что государство и общество в интересах обеспечения внутренней стабильности и безопасности, безусловно, должны со всей серьезностью принимать во внимание процессы трансформации медиапространства, куда переносится значительная доля активности современной молодежи. В свою очередь, регулярно проводимые социологические исследования способны дать оперативную информацию для выявления имеющихся и предупреждения вероятных в будущем проблем.

Библиографический список

1. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодёжь России в зеркале социологии: к итогам многолетних исследований: монография. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020
2. Информационная безопасность и вопросы профилактики киберэкстремизма среди молодежи (сборник статей) / Под ред. Г. Н. Чусавитиной, Л. З. Давлеткириевой, Е. В. Черновой. Магнитогорск: МаГУ, 2013. 162 с.
3. Мониторинг обстановки в образовательных организациях Республики Крым и анализ деятельности молодежных субкультур в целях выявления фактов распространения экстремистской идеологии: научный отчет КФ ФНИСЦ РАН (апрель–май 2020 г.). Симферополь: архив КФ ФНИСЦ РАН, 2020. 117 с.
4. Подъячев К. В., Халий И. А. Государственная молодежная политика в современной России: концепт и реалии // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 2. С. 263–276. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276
5. Радаев В. В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Первая часть) // Социологический журнал. 2020. Т. 26, № 3. С. 30–63. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.3.7395
6. Радаев В. В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Окончание) // Социологический журнал. 2020. Т. 26, № 4. С. 31–60. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.4.7641
7. Солдатова А. В. Проблемы обеспечения информационной безопасности детей в сети «Интернет» // XXI Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», 22–23 марта 2018 г., Екатеринбург. Екатеринбург: УрФУ, 2018. С. 775–786.
8. Солдатова Г. У., Львова Е. Н., Чигарькова С. В. Стратегии обеспечения безопасности в социальных сетях // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлев. М.: ИП РАН, 2018. С. 2187–2194.

Получено редакцией: 17.04.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Чигрин Виктор Александрович, доктор социологических наук, профессор, научный руководитель и главный научный сотрудник Крымского филиала ФНИСЦ РАН

Зоткин Андрей Алексеевич, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры философии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского

Городецкая Елена Георгиевна, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Крымского филиала ФНИСЦ РАН

Узунов Владимир Владимирович, доктор политических наук, доцент, директор Крымского филиала ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.801

EDN: RVBQNP

Dynamics and Structure of Youth Preferences in the Information Space of the Republic of Crimea

Victor A. Chigrin

Crimean Branch of FCTAS RAS, Simferopol, Russia

E-mail: sociochigrin@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-5110-5070

Andrey A. Zotkin

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

E-mail: and.zotkin@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-4681-5809

Elena G. Gorodetskaya

Crimean Branch of FCTAS RAS, Simferopol, Russia

E-mail: socio.evpatoria@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-9767-9803

Vladimir V. Uzunov

Crimean Branch of FCTAS RAS, Simferopol, Russia

E-mail: vladimir.uzunov@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-7070-7867

For citation: Chigrin V. A., Zotkin A. A., Gorodetskaya E. G., Uzunov V. V. Dynamics and structure of youth preferences in the information space of the Republic of Crimea. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 184–199. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.801; EDN: RVBQNP

Abstract. The article actualises the issues of information security in the conditions of transformations of the media space in the regions of Russia (on the example of the Republic of Crimea). Attention is focused on the preferences of young people regarding the sources of obtaining and usage the information received. The main contours of preferences in the choice of information source are determined. The specificity of the choice of information sources typical for young people in the Republic of Crimea is shown. In addition to the Internet, an important source of information for regional youth is direct social contacts and personal communication. In the list of Internet sources, social network information resources have an advantage. It is proved that the information preferences of young people and older generations do not always coincide. For this purpose, the results of sociological studies conducted in 2018–2020 in the Republic of Crimea (before and during the coronavirus pandemic) are presented. Studies have shown that it is distance learning and self-isolation that are factors undermining the existing system of social relations, social subordination and social control. Particular attention is paid to the study of the manifestation of youth interest in information sources of extremist content. The gender and age structure of those interested in Internet sources of extremist content has been revealed. Despite the fact that the identified “risk groups” are relatively small, they significantly increase the likelihood of participating in various kinds of informal organisations, including those of a radical nature. The problem is exacerbated by the secrecy and vagueness of the existence of such groups that

function in the information space as flexible and combinatorial social formations capable of rapid structural change and renewal. As the results of the research showed, the tendency of young people to “leave” into the virtual space was intensified by the factor of social isolation and the introduction of forms of distance learning, that contributed to the erosion of strong social ties and their replacement with weak ones (in accordance with the terminology of network analysis theory). It is shown that the state and society in the interests of ensuring internal stability and security, should, undoubtedly, must seriously take into account the processes of transformation of the media space, where a significant proportion of the activity of today’s youth is transferred.

Keywords: information space, Internet, social networks, youth, information security, risk groups, coronavirus pandemic

References

1. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. The Youth of Russia under the Lens of Sociology: Results of Years of Research. Moscow, FNISTS RAN, 2020: 688 (in Russ.). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020
2. Informacionnaya bezopasnost` i voprosy profilaktiki kiberekstremizma sredi molodyozhi (sbornik statej) [Information security and prevention of cyber extremism among youth (collection of articles)]. Ed. by G. N. Chusavitina, L. Z. Davletkirieva, E. V. Chernova. Magnitogorsk, MaGU, 2013: 162 (in Russ.).
3. Monitoring obstanovki v obrazovatelnyx organizacijax Respubliki Krym i analiz deyatelnosti molodezhnyh subkultur v selah vliyavleniya faktov rasprostraneniya ekstremistskoj ideologii: nauchnyi otchet KF FNISCz RAN [Monitoring the situation in educational institutions of the Republic of Crimea and analyzing the activities of youth subcultures in order to identify the facts of the spread of extremist ideology: a scientific report of the Crimean Branch FCTAS RAS (April–May 2020)]. Simferopol, archive of the Crimean Branch FCTAS RAS, 2020: 117 (in Russ.).
4. Podyachev K. V., Khaliy I. A. The State Youth Policy in Contemporary Russia: Concept and Realities. *RUDN Journal of Sociology*, 2020: 20 (2): 263–276 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276
5. Radaev V. V. The divide among the millennial generation: historical and empirical Justifications. (Part one). *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2020: 26: 3: 30–63 (in Russ.). DOI: 10.19181/socjour.2020.26.3.7395
6. Radaev V. V. The divide among the millennial generation: historical and empirical Justifications. (Ending). *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2020: 26: 4: 31–60 (in Russ.). DOI: 10.19181/socjour.2020.26.4.7641
7. Soldatova A. V. Problems of ensuring the information security of children on the Internet. In XXI International Conference in memory of Professor L. N. Kogan “Culture, personality, society in the modern world: methodology, experience of empirical research”. March 22–23, 2018, Yekaterinburg. Yekaterinburg, UrFU, 2018: 775–786 (in Russ.).
8. Soldatova G. U., Lvova E. N., Chigarkova S. V. Security assurance strategies in social networks. Human psychology as a subject of knowledge, communication and activity. Ed. by V. V. Znakov, A. L. Zhuravlev. Moscow, IP RAN, 2018: 2187–2194 (in Russ.).

The article was submitted on: April 17, 2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Victor A. Chigrin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, supervisor and chief researcher of the Crimean Branch of FCTAS RAS

Andrey A. Zotkin, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Elena G. Gorodetskaya, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of the Crimean Branch of FCTAS RAS

Vladimir V. Uzunov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Director of the Crimean Branch of FCTAS RAS